

США – ЯПОНИЯ: МОДЕРНИЗАЦИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЮЗА

© 2016 г. **А.Н. Панов***

Статья поступила в редакцию 21.10.2015.

В статье исследуется процесс адаптации американско-японского военно-политического союза к современным процессам перестройки глобальной и региональной системы международных отношений в АТР. Автор анализирует политико-философские воззрения премьер-министра Японии Синдзо Абэ и реакцию Вашингтона на новации Токио во внешней политике и осуществлении курса на обеспечение права Японии на коллективную самооборону. Рассматриваются также перспективы японо-китайских и японо-российских отношений в свете новых тенденций развития американско-японского военно-политического союза.

Ключевые слова: *американско-японский военно-политический союз, конституция Японии, японская военная доктрина, коллективная самооборона, «исторический ревизионизм», «китайская угроза», Россия и Япония.*

В 2015 г. Япония отмечала две годовщины, важнейшие в своей послевоенной истории. 70 лет со времени окончания Второй мировой войны, неотъемлемой частью которой стали развязанные японскими правящими кругами военные действия против Китая и США, а также Великобритании и Голландии, чьи колониальные владения находились в Тихоокеанском регионе. Японская агрессия окончилась сокрушительным поражением, её главные зачинщики из числа военных, политиков и дипломатов по приговору Международного трибунала для Дальнего Востока были казнены. Их пособники и соратники осуждены на отбывание тюремных сроков, страна на протяжении шести лет находилась под американской оккупацией.

Вторая годовщина, хотя и не столь значима, но не менее важна для судьбы страны, особенно её внешней и военной политики. 19 января 1960 г. был подписан японо-американский Договор о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности, в сокращённом виде именуемый «договором безопасности». В соответствии с ним США взяли на себя ответственность по обеспечению защиты японской территории от внешних угроз, в том числе фактически гарантировали ядерный зонтик над Японией.

Япония, в свою очередь, приняла обязательства по защите находящихся на её территории американских баз, если они подвергнутся удару, в том числе ответному, в результате вооружённых действий США на Дальнем Востоке. В тексте договора **отсутствуют положения, запрещающие** Соединённым Штатам использовать вооружённые силы, базирующиеся на японской территории, вне пределов Японии, а также запрещающие ввозить ядерное оружие в страну.

* ПАНОВ Александр Николаевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3 (Panov.Taishi@yandex.ru).

К истории эволюции японо-американского союза

С течением времени страсти вокруг договора поутихли и в настоящее время концентрируются на о. Окинава, где местные жители регулярно, но безуспешно пытаются добиться вывода с острова хотя бы части американских военных баз.

Политическая элита современной Японии исходит из того, что выбор в пользу военно-политического союза США, при том, что он крепко привязывал Токио ко внешнеполитической стратегии США в качестве «младшего партнёра», был единственно правильным.

В результате послевоенных радикальных политических, экономических и социальных реформ в Японии к руководству страной пришла «правлящая тройка», включающая как наиболее авторитетных политиков Либерально-демократической партии (ЛДП), которая с тех пор лишь с небольшими перерывами формирует правительство, так и бюрократию высшего эшелона государственных органов и ведущих представителей делового мира.

Эта «тройка» одобряла и последовательно следовала стратегическому курсу, который сформулировал один из наиболее авторитетных представителей послевоенной политической элиты Сигэру Ёсида. Его стратегия «возрождения Японии на новой основе» концентрировала усилия на решении проблем экономического развития. Необходимость приоритетного подъёма экономики виделась не в последнюю очередь за счёт ограничения расходов на оборону, обеспечение которой было по существу передоверено американским вооружённым силам. В перспективе, когда для этого созреют соответствующие условия, предусматривалась возможность пересмотра отношений с Вашингтоном, с выходом на более независимые позиции.

«Японская политика в отношении США, – подчёркивал С. Ёсида, – должна измениться, как только положение экономики улучшится и соответственно повысится международный статус страны и её самоуважение». «Однако, – настаивал он далее, – поддержание дружеских связей с США, основанных на глубоких взаимных интересах, должно быть одним из столпов японской основополагающей политики и всегда оставаться таковой» [10, р. 3].

В середине 60-х годов XX века Япония вышла на второе место в мире по объёму ВВП, нарастила международный престиж, но вопрос об изменении характера своих отношений с США не поднимала. В Вашингтоне внимательно следили даже за самыми робкими попытками японцев проявить самостоятельность во внешнеполитических делах и решительным образом их пресекали. Как отмечали американские политологи, в середине 1960-х годов «Соединённые Штаты никогда не позволяли Японии осуществлять свой собственный выбор в отношении какого-либо международного присоединения, что могло бы наилучшим образом отвечать её национальным интересам, как она их видит» [9, р. 42-43]. Ситуация не изменилась и в XXI веке. Роналд Дор, один из наиболее авторитетных американских японоведов, в начале 2013 г. полагал, что «американская оккупация, начавшаяся в сентябре 1945 г., никогда в реальности не завершалась» [6, 1.01.2013].

За последние годы в Японии сформировалось весьма разветвлённое про-американское лобби из широкого круга политиков, общественных деятелей, бизнесменов, политологов, убеждённых в том, что в интересах обеспече-

ния безопасности страны альтернативы японо-американскому военно-политическому союзу не существует. В эпоху «холодной войны» главным аргументом в обоснование этого вывода служила «угроза для Японии со стороны могущественного Советского Союза».

Не случайно после окончания «холодной войны» стратегическая мысль в Японии пребывала в немалой растерянности. Главная угроза – СССР, наличие которой на протяжении всех послевоенных лет американцы усиленно внедряли, и не без успеха, в японское сознание, ушла в историю вместе с соседним коммунистическим государством. Логично вставал вопрос о том, в какой степени необходимы в новых экономических условиях японо-американский военный союз и базы американских вооружённых сил на японской территории.

Тем не менее с приходом к власти Дзюнзитиро Коидзуми (2001–2006 гг.) акцент был сделан на укреплении союза с США и проявлении солидарности с Вашингтоном в «трудное для него время» после атаки 11 сентября 2001 года.

Осенью 2001 г. японский парламент одобрил ряд законов, согласно которым правительство впервые в послевоенной истории получило возможность направлять за рубеж свои вооружённые силы.

В марте 2006 г. правительство Коидзуми поддержало решение администрации Дж. Буша-мл. развернуть военную операцию против Ирака и направило в эту страну подразделения сухопутных, морских и воздушных сил самообороны, которые были задействованы в оказании гуманитарной и медицинской помощи местным жителям, а в боевых действиях участия не принимали.

Коидзуми был убеждён, что именно благодаря тесным отношениям с Вашингтоном, включая его поддержку в военных операциях, Япония сможет эффективно решить проблемы обеспечения своей безопасности в новых условиях, когда на смену одной «российской угрозы» пришли две новые – китайская и северокорейская в виде ракетно-ядерной программы КНДР. В декабре 2004 г. правительство Коидзуми одобрило «Основные направления программы национальной безопасности страны», в которых КНДР и впервые Китай были охарактеризованы как страны, представляющие потенциальную угрозу безопасности Японии.

«За эпохой Коидзуми» последовал период практически ежегодной смены глав правительств, которые формировались как Либерально-демократической партией, более 50 лет находившейся у власти, так и впервые в 2009–2013 гг. Демократической партией. В обстановке политической нестабильности проведению серьёзного комплексного анализа международной обстановки и разработке сколь-либо долгосрочного стратегического курса для японской дипломатии ни та ни другая партия серьёзного внимания не уделяла.

Вместе с тем в связи со стремительным подъёмом Китая, сопровождавшегося наращиванием его мирового политического влияния и региональной активности, в том числе с опорой на растущий военный потенциал, это государство всё более конкретно рассматривалось в Токио уже не как потенциальный, а как реальный противник, преемник «советской угрозы». Решать китайскую проблему теперь приходится уже Синдзо Абэ, который, по всем прогнозам, имеет неплохие шансы удержаться в кресле премьер-министра на достаточно продолжительный срок (он избран председателем ЛДП до сентября 2018 г.) и приспособить японо-американский союз к новой обстановке в АТР.

О политической философии С. Абэ

«Исторический ревизионист» – такая характеристика была дана политико-философским взглядам С. Абэ в докладе Исследовательской службы Конгресса США, и она закрепилась за ним не только среди журналистского и научного сообщества, но и в высоких политических кругах Вашингтона [6, 2.04. 2015].

С. Абэ – один из наиболее решительных и последовательных приверженцев философии «правового консерватизма», согласно которому Япония должна, следуя заветам С. Ёсида, сохранять преданность союзу с США, но вместе с тем настойчиво избавляться от «комплекса поражения во Второй мировой войне» и в конце концов «подвести черту под политикой военного времени», начав возрождение Японии «в качестве одной из ведущих держав мира». Его позиция соответствует взглядам довольно широкого круга видных представителей правоконсервативного крыла японской политической элиты.

Среди тех, кто оказал основополагающее воздействие на формирование политической философии С. Абэ, не числится его отец Синтаро Абэ, видный деятель ЛДП умеренно-либеральных взглядов. Зато присутствует его дед Носубукэ Киси. Будучи в конце 30-х годов XIX века главой Военного министерства, Н. Киси выступил за войну с США и руководил мобилизацией сотен тысяч китайцев и корейцев на работы по производству снаряжения для японской армии. После войны он был осуждён как военный преступник по категории «А» и приговорён к тюремному заключению. После освобождения Н. Киси вернулся к активной политической деятельности, зарекомендовал себя «проамерикански настроенным» и при финансовой поддержке США занял кресло главы правительства (1956–1960 гг.)^{*} [6, 3.05.2015]. До конца своих дней Н. Киси считал войну Японии «справедливой» и даже «священной». Он высказывался за создание новой Японии, подразумевая при этом, не в последнюю очередь, пересмотр конституции.

С. Абэ после повторного возвращения в политику в 2012 г. (первый раз – в 2006–2007 гг.) на пост главы японского правительства выступил с рядом заявлений принципиального характера, основная цель которых состояла в том, чтобы выразить несогласие с «навязанной Японии послевоенной системой».

Как свидетельствует проректор университета Хосэй Дзиро Ямагути, С. Абэ называл послевоенную конституцию «позорной» [6, 26.05.2015]. Он высказывался за пересмотр Основного закона страны. Во время правления С. Абэ активизировались сторонники его политической платформы. В их числе оказался и писатель Наоки Хякута, ставший по назначению премьер-министра членом правления полугосударственной компании «Эн-эйч-кэй». Н. Хякута убеждал общественность, что никакой нанкинской резни во время агрессии в Китае не было. Само «событие» было сфабриковано с тем, чтобы скрыть посредством проведения Токийского суда преступления США – «жестокие массовые убийства» гражданских лиц в результате бомбардировок Токио и атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки^{**} [1, 4.2.2014]. Бывший начальник главного шта-

^{*} По свидетельству Михаеля Шеллера, американского исследователя оккупационной политики США в Японии, президент Д. Эйзенхауэр подписал указание ЦРУ создать секретный фонд для финансирования деятельности Киси и ряда других членов ЛДП.

^{**} Пол Гиарра, бывший директор по Японии в офисе помощника министра обороны по вопросам международной безопасности.

ба ВВС сил самообороны Тосио Томогами также считает, что Япония не была агрессором, она оказалась жертвой, втянутой в войну с Китаем по вине Чан Кайши [4, 02.2014]. Вышеизложенные взгляды находят немалую поддержку в кругах японской политической элиты, на это обращают внимание и иностранные исследователи японской политики. Глубинные корни политической философии С. Абэ, по заключению многих американских и европейских японоведов, произрастают из неприятия «исторического унижения», которое Япония испытала, потерпев поражение в войне.

Согласно анализу преподавателя американского Университета Стони Брука Ноа Смита, «значительная часть партии (ЛДП) философски, организационно, нередко и генетически происходит из политического класса Японии милитаристского периода. Представители партии не восприняли в полной мере либеральные ценности, которые США внедряли в их сознание в период американской оккупации. И эта часть ЛДП (фракция), когда-то бывшая в меньшинстве, сейчас по сути доминирует в партии» [9]. С такими выводами в целом согласен бывший посол Великобритании в Японии Н. Кортази. «Ультранационализм, – пишет он в аналитической колонке газеты «Джапэн таймс» от 15 июня 2015 г., – сохраняется в латентной форме в некоторых кругах Японии веками и представляет потенциальную угрозу миру и долгосрочным японским интересам». Он предупреждает: «есть реальный риск того, что руководители ЛДП будут проводить политику, ведущую к более авторитарному и националистическому режиму, и это поставит под угрозу долгосрочные национальные интересы Японии». И первые шаги в этом направлении премьер-министром С. Абэ и его окружением, по мнению бывшего посла, уже предприняты.

При этом Н. Кортази с озабоченностью указывает на то, что при «крайне чувствительном к критике» главе японского правительства давление на японские СМИ с тем, чтобы они поддерживали политику премьер-министра, возросло. Для усиления контроля за СМИ правительство С. Абэ использует различные методы – от «рекомендаций» не брать интервью и не приглашать на телевизионные передачи политических и общественных деятелей, известных своими критическими высказываниями в адрес проводимой Токио политикой, до «предупреждений» о возможности лишения лицензии на вещание.

В ноябре 2014 г., накануне парламентских выборов, ЛДП направила основным телевизионным компаниям «письма-просьбы» с инструкциями, как отбирать темы для освещения и даже комментаторов для взятия интервью. Ряд журналистов занесён в «чёрный список неблагонадёжных», в том числе за критику политики «абэномики», от которой, по их мнению, выгоду получают лишь хорошо обеспеченные японцы [4, 29.06.2015].

Следует отметить, что система взаимоотношений японских СМИ с государственными учреждениями имеет специфические особенности. При каждом министерстве, каждой политической партии, каждой организации бизнес-сообщества существуют «службы корреспондентов», членство в которых строго лимитировано. Только журналистам этих клубов разрешается бывать на пресс-конференциях и общаться с представителями правительственных учреждений и политических организаций. Не секрет, что в ответ на представление такого привилегированного статуса от журналистов ожидают «позитивного освещения деятельности госучреждений».

Но более важно, что контроль за СМИ возложен на Министерство внутренних дел и коммуникаций, которое выдаёт лицензии на вещание телевизи-

онных станций: их требуется регулярно продлевать. Соответственно, телевизионные компании находятся под постоянным контролем и опасаются потерять лицензию, если открыто выступят против правительства.

С другой стороны, в японских СМИ независимые журналисты, даже с самой высокой профессиональной репутацией, находятся под довольно жёстким контролем со стороны руководства, которое может наказать и даже уволить, а это не только потеря высокой заработной платы, но и нередко лишение возможности продолжать журналистскую деятельность, так как в крупных газетах и телевизионных компаниях не приветствуются «чужаки» и к тому же с подмоченной репутацией. Поэтому среди японских журналистов развито «самоограничение» в выражении своего мнения и «понимание» позиции руководства, которое должно учитывать «указания» правительственных органов. Американские СМИ были вынуждены констатировать, что усилия С. Абэ подавить критику правительства в японских средствах массовой информации принесли свои плоды и многие главные японские новостные программы начали вводить самоцензуру [7, 27.04.2015].

Не случайно, по оценке организации «Фридом хаус» (*Freedom House*), осуществляющей мониторинг того, насколько обеспечивается свобода СМИ в различных странах, в мае 2015 г. Япония оказалась на 41-м месте (ранее было 36-е место), так как давление на свободу информации в стране серьёзно возросло [6, 24.05.2015].

С конца 2014 г. одной из центральных тем внутривнутриполитических обсуждений и дебатов, вызвавшей и серьёзный международный резонанс, встал вопрос о содержании приуроченного к 70-й годовщине окончания Второй мировой войны заявления по этому случаю главы японского правительства. Впервые в 1995 г. – в 50-ю годовщину, затем в 2005 г. – в 60-ю годовщину – японские премьеры Т. Мураяма и Дз. Коидзуми давали оценку действиям Японии в годы войны. Они выражали глубокое сожаление в связи с теми страданиями, которые принесли азиатским народам колониальное правление и агрессия Японии, и высказали искренние извинения в связи с этим.

Поскольку С. Абэ оценивал события довоенного и военного периода в японской истории с позиций «исторического ревизионизма» и говорил о том, что ему нет необходимости повторять формулировки своих предшественников, то это вызвало острую реакцию внутри Японии и за её пределами. Дебаты по историческому прошлому разгорелись с невиданной ожесточённостью. Большинство политологов, журналистов, общественных деятелей и политиков выступило за признание войны в Китае агрессией, а правление в Корее колониальным. Они считали, что Япония должна принести извинения за причинённые азиатским народам страдания и отдельно в связи с использованием корейских женщин в качестве «женщин комфорта».

Однако оказалось немало тех, кто оспаривал указанные оценки. Ряд учёных утверждал, что в Маньчжурии имела место не агрессия, а «самооборона», что нельзя рассматривать прошлое на основе нынешних ценностей, что нет официальных свидетельств превращения корейских женщин в секс-рабынь [4, 24.03.2015].

И всё же, по опросам общественного мнения, в июле 2015 г. более 50% японцев высказались за внесение в заявление С. Абэ признания действий Японии агрессией и извиниться за это [4, 19.07.2015].

Дискуссия вышла на международный уровень. Китайские руководители публично и на всех встречах с японскими официальными представителями обращали внимание на то, что без признания очевидного факта агрессии Японии против Китая не может быть нормальных китайско-японских отношений. Председатель КНР Си Цзиньпин неоднократно повторял, что усилия, «направленные на искажение или приукрашивание фактов японского военного вторжения не будут приняты народом Китая или других азиатских стран, которые пострадали» [6, 25.05.2015].

Президент Республики Корея (РК) Пак Кын Хе призвала Японию «очиститься от колониальных и военных злодеяний» [6, 21.03.2015]. Вашингтон был обеспокоен тем, что отказ С. Абэ от основных положений, заявленных его предшественниками с оценками военного периода, наносит ущерб отношениям Японии с РК, в то время как США стремятся консолидировать азиатских союзников перед лицом Китая. Это также вызывало недовольство американской либеральной общественности и значительного числа китайцев, проживающих в США. Последовали призывы на официальном уровне проявить «конструктивный подход к историческим проблемам в соответствии с предыдущими высказываниями японских премьер-министров» и наладить отношения с Республикой Корея [4, 24.04.2015].

Подключилась и администрация Обамы. В официальных высказываниях Госдепартамент обращал внимание и на то, что заявления предшественников С. Абэ на посту глав правительства с оценками японских действий во время войны позволили улучшить отношения Японии с соседями и теперь США «поощряют Японию продолжать данную работу с её соседями, чтобы преодолеть все исторические разногласия» [4, 6.01.2015].

С. Абэ пришлось учитывать антивоенные настроения и корректировать свою позицию. Если первоначально он утверждал, что «среди учёных или в международном праве нет согласия относительно того, как определять агрессию и всё зависит от страны, от имени которой идёт рассмотрение вопроса», то с весны 2015 г. премьер-министр стал говорить о том, что «в целом разделяет позицию», изложенную в заявлениях предшественников [4, 24.04.2015]. Однако, как выяснилось, по ключевым вопросам С. Абэ сохранил прежнюю позицию. В речи в Бандунге 22 апреля 2015 г. на праздновании 60-й годовщины проведения первой конференции азиатско-африканских стран он не стал извиняться за агрессивное прошлое Японии, а ограничился выражением «чувства глубокого сожаления в связи с прошлой войной» и пообещал, что Япония будет следовать принципам неприменения силы против территориальной целостности или политической независимости любой страны и решать все споры мирными средствами [4, 23.04.2015].

В дальнейшем японский премьер-министр придерживался указанной позиции – «глубокое сожаление без извинений»; акцент делался на миролюбивом курсе Японии, который он обозначил как «политику действенного мира» (*proactive peace*). На основе этого 14 августа 2015 г. было сформулировано программное заявление С. Абэ, приуроченное к 70-й годовщине окончания Второй мировой войны и утверждённое на заседании кабинета министров. Таким образом оно получило высокий официальный статус [4, 14.08.2015].

Документ совмещал в себе как оценку странами – жертвами японской агрессии, политики Токио довоенного и военного времени, так и настроения правонационалистического крыла японской политической элиты, на которое во

многим опирается в своей деятельности С. Абэ. Поэтому, несмотря на наличие в заявлении таких определений, как «агрессия», «колониальное правление», «безмерный ущерб и страдания», нанесённые Японией «невинным людям», «глубокое оскорбление чести и достоинства женщин во время войн в XX веке», «глубокое раскаяние за войну», прямых извинений за содеянное от японского премьера не последовало. Он ограничился ссылкой на то, что Япония уже «многочисленно выражала чувство глубокого раскаяния и искренне просила прощения за свои действия во время войны и что такая позиция, изложенная предыдущим японским правительством, останется неизменной и в будущем. Вместе с тем, С. Абэ высказал мысль о том, что послевоенное поколение составляет в настоящее время более 80% населения страны и, поскольку оно не имеет ничего общего с войной, ему и следующим поколениям нет необходимости продолжать извиняться за прошлое. Значительный акцент в заявлении был сделан на подтверждении приверженности Японии политике мира, свободы, демократии, защиты прав человека, стремлении решать любые проблемы без применения силы. Вашингтон «приветствовал» выраженное японским премьером глубокое раскаяние за причинённые другим народом страдания, вызванные действиями Японии во Второй мировой войне, а также похвалил его за «обязательство» придерживаться прошлых правительственных заявлений по историческим проблемам [4, 15.08.2015].

Реакция соседей Японии была иной. МИД КНР указывало на отсутствие в заявлении чёткой оценки природы японской войны, а именно – «милитаристской и агрессивной», В целом заявление С. Абэ было охарактеризовано как «уклончивое» [4, 15.08.2015].

Президент РК Пак Кын Хе также обратила внимание на то, что С. Абэ не выразил чётко «извинений» так, как это было сделано в прошлых заявлениях по поводу годовщины окончания Второй мировой войны. Она также отметила, что проблеме «женщин комфорта» японское правительство всё ещё не решило [4, 15.08.2015].

В целом заявление 14 августа 2015 г. подтвердило: в принципиальном плане С. Абэ не поступил своей позицией по историческому прошлому, не изменил философии «исторического ревизионизма».

Коллективная самооборона по-японски

25 мая 2015 г. правительство внесло в парламент на утверждение два законопроекта, определяющих ситуации, при которых Япония может использовать свои вооружённые силы для реализации права на коллективную самооборону. Сознвая, что изменить 9-ю статью Конституции* в нынешней внутривластной обстановке крайне затруднительно, поскольку это потребует проведения референдума, а большинство населения по-прежнему выступает против такого радикального пересмотра военной политики, С. Абэ избрал путь нового толкования статьи и закрепления его в законодательном порядке.

* Согласно статье 9 Конституции Японии, «японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооружённой силы как средства разрешения международных споров. Для достижения указанной цели никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение государством войны не признаётся».

Японские критики «договора по безопасности» с националистических и одновременно проамериканских позиций утверждают, что сделать этот договор более «равноправным» и «повысить в нём роль Японии» можно довольно просто. Достаточно того, что Токио возьмёт на себя обязательство оказывать Вашингтону непосредственную военную поддержку в случае, если его вооружённые силы, защищающие Японию, подвергнутся угрозе или реальному нападению со стороны военных формирований какой-либо третьей страны. В соответствии с положениями «договора по безопасности», японские силы самообороны делать это не обязаны, тогда как американские войска должны быть введены в действие для отражения нападения на японскую территорию.

Согласно толкованиям японского правительства и поддерживающих его учёных-правовиков, статья 9 Конституции не препятствует осуществлению права страны на самооборону. В 1959 г. Верховный суд Японии вынес вердикт, согласно которому статья 9 позволяет осуществлять право на самооборону в ограниченном виде. В соответствии с такой позицией и создавались силы самообороны, а по существу армия, хотя использование такого определения вооружённых сил страны в Японии избегают.

Теперь юристы доказывают, вопреки заявлению правительства от 1972 г. о запрете по Конституции страны использовать право на коллективную самооборону, что и коллективная самооборона не запрещена её соответствующей статьёй. Иными словами, японские силы самообороны могут действовать совместно с американскими вооружёнными силами и за пределами японской территории в ситуациях, которые предусмотрены в законопроектах. А именно:

- вооружённое нападение на Японию или на иностранное государство, находящееся в добрососедских отношениях с Японией, которое в результате может создать угрозу существованию Японии и реальную опасность нарушить право народа на жизнь, свободу и счастье;

- когда нет других соответствующих средств для отражения нападения и обеспечения существования Японии, что означает – все дипломатические средства исчерпаны и нет другого пути защитить жизнь японского народа;

- когда требуются совместные международные действия в интересах обеспечения международного мира;

- когда использование силы должно быть осуществлено в максимально необходимых пределах.

Вышеприведённый перечень ситуаций, за исключением той, которая предусматривает участие японских вооружённых сил в миротворческих операциях по линии ООН*, позволяет весьма широко толковать их реальное содержание. На это важнейшее обстоятельство и указывали противники концепции коллективной безопасности, прежде всего депутаты оппозиционных партий, во время парламентских дебатов по законопроектам.

Премьер-министру Японии и другим членам кабинета при слушаниях в парламенте пришлось разъяснить, какие конкретно обстоятельства могут побудить использовать право на коллективную самооборону. Оказалось, что правительство не имеет чёткого представления, что скрывается под формулиров-

* Предусматривается, что японские военнослужащие, принимающие участие в миротворческих операциях под эгидой ООН или по решению СБ ООН, смогут применять оружие не только для своей обороны, но и для защиты военнослужащих других государств – участников коалиции. В настоящее время такое право им не предоставляется.

ками общего характера. Ответы на уточняющие вопросы носили противоречивый, а порой и взаимно исключаящий характер [4, 11.05.2015; 4.07.2015].

В начале дебатов в парламенте С. Абэ характеризовал «ситуацию, при которой существование Японии может оказаться под угрозой», если возникнет критическое положение с обеспечением японцев повседневными товарами. Конкретно, когда будут заблокированы поставки в страну прежде всего энергоносителей. В таком случае, по словам премьера, силы самообороны могут принять участие, например, в деблокировании (включая разминирование) морских путей в Ормузском проливе [4, 5.06.2015]. Впоследствии, под влиянием критики не только со стороны оппозиции, но и ряда депутатов от ЛДП, С. Абэ скорректировал свои разъяснения, заявив, что «разминирование в Ормузском проливе не является типичным примером», но это мало что прояснило по существу вопроса [4, 18.06.2015].

Затрудняясь отвечать на острые, уточняющие вопросы, глава японского правительства фактически отказывался раскрыть обстоятельства, которые могут расцениваться как «угрожающие существованию Японии». Он пояснял, что международная обстановка в целом и конкретно ситуация вокруг Японии ухудшается, на это нельзя закрывать глаза и придерживаться обычной интерпретации статей Конституции [4, 18.06.2015].

В этой связи привлекло особое внимание заявление представителя правительства о том, что Япония может использовать право на коллективную самооборону, если, реагируя на чрезвычайную ситуацию на Корейском полуострове, американские войска начнут военную кампанию и это увеличит шансы ракетной атаки на американские военные базы в Японии. Впрочем, разъяснения и на этот счёт не отличались конкретикой, за исключением приведённого примера защиты американских кораблей, которые будут осуществлять мониторинг, чистить уничтожать запущенные КНДР ракеты, а также транспортировку японских граждан с Корейского полуострова [4, 11.07.2015]. Тем не менее фактически признавалась готовность японских вооружённых сил участвовать в боевых действиях на Корейском полуострове. Следует напомнить, что японские силы самообороны, согласно статье 9 Конституции, не участвовали в войне во Вьетнаме, тогда как южнокорейские войска были направлены на поддержку американских вооружённых сил и потеряли убитыми более 5 тыс. человек.

Оппозиция, прежде всего Демократическая партия, в ходе дебатов в парламенте сосредоточила критику именно на том, что ситуации, при которых возникает право на коллективную самооборону, не носят конкретного характера. Допускаются различные толкования и в результате правительство получает возможность единолично определять основания для применения вооружённых сил в рамках коллективной самообороны, а также просчитывать масштабы и формы такого применения. При этом парламент страны может быть поставлен перед свершившимся фактом и вынужден будет безальтернативно одобрять решение правительства.

Произошёл раскол в средствах массовой информации. Пресса либерального и центристского направлений, а это газеты «Асахи», «Майнити», «Токио» и даже традиционно консервативная англоязычная газета «Джапан таймс» заняли критическую позицию. Правоконсервативные издания и газеты националистического характера – «Ёмиури симбун», «Санкэй» поддержали курс на обеспечение права Японии на коллективную самооборону. Оправдывая поли-

тику правительства, «Емиури симбун» оценивала новые законы в качестве «эпохального события», которое укрепляет союз с США и позволяет подготовиться к обороне с учётом всех уровней кризиса более чётко и с пользой [2, 11.07.2015]. Новые законы будут способствовать более эффективному сдерживанию Токио и Вашингтоном Китая, препятствовать «самооправданным действиям» Пекина в тихоокеанских водах.

Накануне голосования в Токио прошли многотысячные манифестации протеста против принятия новых законов. 16 июля 2015 г. один новый закон, а также закон с поправками к десяти действующим законам, имеющим отношение к обеспечению безопасности страны, были поставлены на голосование в палате представителей парламента и приняты большинством депутатов от ЛДП и от партии Комэйто, её партнёра по коалиции. Депутаты пяти оппозиционных партий демонстративно покинули зал заседаний.

Соединённые Штаты официально поддержали принятие нового законодательства и были удовлетворены позицией японского правительства на этот счёт. Белый дом приветствовал принятие новых законов, оценив их как свидетельство продолжающихся усилий по упрочению двустороннего союзничества и по обеспечению более активной роли Японии в региональной и международной деятельности в сфере безопасности.

Отметился и сенатор Дж. Маккейн, председатель сенатского комитета по делам вооружённых сил, выразивший пожелание, чтобы японские силы самообороны «поставили свой сапог на землю» в случае конфликта на Корейском полуострове, а также поддержали операции вооружённых сил США на Ближнем Востоке и в Южно-Китайском море [6, 17.07.2015].

Удовлетворённость Вашингтона не случайна. Как и предсказывали многие аналитики, в том числе японские, США, несмотря на широко анонсированную «перебалансировку» своей стратегии в АТР, так и не смогли, в том числе из-за сокращения бюджета и занятости кризисными ситуациями на Ближнем Востоке, сколь-либо существенно нарастить своё присутствие в регионе, прежде всего военное. Таким образом, поддержка американских усилий со стороны Японии оказалась весьма своевременной.

Совершенно иную оценку дал Китай, представитель МИД КНР предостерег Токио от «расшатывания регионального мира и безопасности». Министр обороны Китая Чан Вяньюань заявил на встрече с секретарём Совета национальной безопасности Японии С. Яти 17 июля 2015 г., что новое законодательство, позволяющее Японии посылать войска за границу впервые после Второй мировой войны, «осложнит региональную безопасность и глобальную стабильность» и поставит под вопрос послевоенную приверженность «пути мирного развития» [6, 18.07.2015].

Больше всего критики содержал комментарий агентства «Синьхуа», которое, как принято в китайской практике, отражает только позицию китайского руководства и служит ориентиром для отношения «всех китайцев» к событиям в Токио. Охарактеризовав принятые законы как «кошмарный сценарий, на шаг приблизивший японский народ и соседние государства к войне», авторы статьи сделали вывод, что «репутация Японии, завоевавшей международное уважение за свою пацифистскую конституцию, теперь запятнана» [6, 17.07.2015].

Республика Корея реагировала более сдержанно, поскольку Сеулу приходится учитывать союзнические отношения с США и северокорейский фактор.

Тем не менее представитель МИД РК призвал Японию «сохранять дух пацифистской конституции» и напомнил, что действия, которые могут затронуть безопасность на Корейском полуострове и национальные интересы Республики Корея, не должна предприниматься без согласия Сеула» [4, 8.07.2015].

19 сентября палата советников парламента также утвердила новые законы. Таким образом, весной 2016 г. они вступят в силу.

На пути «к союзу надежды»

«Союз надежды» – так охарактеризовал японо-американские отношения премьер-министр С. Абэ в своём выступлении на совместном заседании обеих палат американского Конгресса во время своего официального визита в США в последней декаде апреля 2015 года. И Токио, и Вашингтон высоко оценили итоги двустороннего саммита на высшем уровне. Однако дорога к согласию сторон не выглядела простой. Когда к руководству правительством пришёл С. Абэ и сделал заявления о намерении «переписать историю» и пересмотреть конституцию Вашингтон первоначально воспринял нового японского лидера настороженно, а временами с неодобрением [6, 19.03.2015].

В американских политических и научных кругах нередко высказываются мнения, что процесс пересмотра Конституции Японии, если он будет запущен, может не остановиться на корректировке отдельных положений, а привести к радикальной перестройке японской военной политики и даже к возрождению милитаристских настроений. Воспоминания о японском нападении на Пёрл-Харбор, о жестоких сражениях на Тихом океане сохраняются в американском общественном сознании и поныне. Не случайно в Вашингтоне с неодобрением были встречены заявления С. Абэ о «нелегитимности, несправедливости» решений Международного трибунала, осудившего японскую агрессию и преступления высших японских руководителей военного времени. Группа американских ветеранов Второй мировой войны и их родственники направили письмо членам Конгресса с выражением беспокойства по поводу заявлений С. Абэ, ставящих под сомнение «официальный вердикт Токийского военного трибунала»* [4, 26.04.2013]. Неприемлемым для Вашингтона, особенно с учётом союзнических отношений с Сеулом и наличия в США серьёзного корейского электората, явилось негативное отношение С. Абэ к признанию японским правительством в 1991 г. жестокого обращения с корейскими женщинами, использовавшимися японскими военными с качестве секс-рабынь, и выражение в связи с этим извинений.

Раздражение вызвало посещение японским премьером «символа японского милитаризма» храма Ясукуни, в котором «покоятся души» погибших за Японию, включая военных преступников, в январе 2013 г. сразу же после визита в Токио вице-президента США Дж. Байдена, который «не рекомендовал С. Абэ» совершать это паломничество. Как и следовало ожидать, жёсткой критике за «поклонение военным преступникам» подвергли японское руководство Китай и Республика Корея, когда 22 апреля 2013 г. 168 депутатов японского парламента посетили храм Ясукуни, и был побит «рекорд» 1997 г. с посещением храма 152 депутатами.

* На тихоокеанских фронтах погибло более 300 тыс. американцев, 20 тыс. умерли в японском плену.

С. Абэ, судя по всему, рассчитывал на то, что его заявления националистического характера и посещение храма Ясукуни не вызовут серьёзного отторжения с американской стороны. В связи с регулярными посещениями им храма Ясукуни он помнил об указании президента Дж. Буша-мл. не высказывать публично критики в адрес премьер-министра Дз. Коидзуми – верного сторонника США. Более того, С. Абэ полагал, что решимость вести дело к законодательному закреплению права Японии на коллективную самооборону, т.е. на оказание прямой военной поддержки американским вооружённым силам, компенсирует издержки его риторики.

Как считало японское руководство, американцам должно было понравиться «принятие мер по укреплению военного потенциала Японии как немалое дополнение и поддержка американской стратегии “перебалансировки”».

В 2013 г. впервые за последние 13 лет японское правительство приняло решение увеличить на 0,8% оборонный бюджет (на 41 млн. долл.) усилить сухопутные силы самообороны на 18 тыс. человек; создать корпус морской пехоты; добавить к имеющимся двум крупным кораблям-вертолетоносцам ещё два судна такого же типа, ужесточить контроль за морским и воздушным пространством вокруг островов в Восточно-Китайском море путём использования беспилотных самолётов-разведчиков и установки радаров раннего предупреждения. Японцы прорабатывают также возможность закупок крылатых ракет средней дальности и конвертопланов типа «Оспрей», которые США с 2012 г. размещают на своей базе в Окинаве.

Однако С. Абэ не учёл настроений американской администрации и самого президента в начальный период его нахождения на посту главы государства. Б. Обама в тот период стремился предстать в образе миротворца, соответствующем статусу лауреата Нобелевской премии мира. Потому задиристые высказывания японского премьера, способные осложнить отношения Японии с соседями, прежде всего с Китаем и Республикой Корея, раскачать обстановку в АТР и препятствовать американской политике «вовлечения и сдерживания» Пекина, не одобрялись.

В американских политологических исследованиях стал присутствовать тезис о том, что Японии нет необходимости вносить в Конституцию изменения, касающиеся её «мирных положений». При этом указывалось на то, что японское правительство уже делает больше того, что позволяет Основной закон, так как за последние 20 лет было принято немало законопроектов и административных актов, затрагивающих сферу национальной безопасности. Они существенно изменили японскую оборонную политику. Другое дело, что Токио, по мнению политологов, должен больше помогать США в их новой стратегии в АТР – проявлять больше солидарности и в большей степени интегрировать силы самообороны в американские войска [6, 20.05.2015].

Премьер-министр прислушался к «дружеским советам» Белого дома и скорректировал своё поведение. Он перестал затрагивать тему пересмотра Конституции, уходил от оценок колониального и милитаристского прошлого Японии, заявляя, что интерпретация истории должна быть оставлена историкам.

С энтузиазмом и необычной активностью правительство С.Абэ развернуло дипломатию «политического сдерживания» Пекина путём создания вокруг Китая пояса дружественных Японии стран, разделяющих японские озабоченности китайским напористым внешнеполитическим курсом в АТР.

На встрече в мае 2015 г. с лидерами 16-ти тихоокеанских стран С. Абэ в ответ на крупную китайскую экономическую помощь этим малым государствам АТР обещал предоставить им в течение трёх лет 450 млн. долл. помощи. Такая дипломатическая активность также рассматривалась в Токио как совместная с Вашингтоном стратегия по окружению Китая «санитарным кордоном» из стран, не разделяющих гегемонистские устремления Пекина в АТР. Японский премьер-министр преподнёс Б. Обаме и ценный экономический «подарок» с немалым политическим смыслом. В отличие от ведущих европейских союзников – в том числе Великобритании, ФРГ, Франции, он заявил, что Япония не будет участвовать в создаваемом под эгидой Китая Азиатском банке инфраструктурных инвестиций, в котором изъявили готовность участвовать более 50 государств. Из крупных государств только США и Япония отказались от членства в банке, но не сумели воспрепятствовать созданию нового крупного финансового института, в известной степени конкурента находящегося под японским контролем Азиатского банка развития. С тем чтобы компенсировать «потерю лица», влияние среди азиатских государств и не уступить Пекину, правительство С. Абэ объявило о готовности предоставить им в течение пяти лет иенные займы для реализации инфраструктурных проектов в размере 110 млрд. долл. (сумма эквивалентна уставному капиталу АБИИ) [6, 4.04.2015; 11.04.2015].

Стратегия С. Абэ в ведении дел с США дала свои результаты. Отношение к японскому премьеру стало меняться. Но всё же и накануне визита его в США в аппарате Белого дома, и это было известно японцам, стратегия премьер-министра оценивалась двояко. «Хороший» С. Абэ крепит японо-американский союз и настроен обеспечить право на коллективную самооборону. Последнее особо импонирует американским военным, которые рассматривают его как «своего человека» в Токио, надёжного союзника, выполняющего пожелания Пентагона в большей степени, чем его предшественники. Но есть и «не очень хороший» С. Абэ, который не может наладить отношения с Китаем и Республикой Корея и своим «историческим ревизионизмом» создаёт нестабильность в регионе.

В конечном счёте перевесило мнение, что к главе японского правительства всё же следует относиться как к «хорошему парню». Он много делает для американских интересов, в целом управляемый партнёр, а его «нелучшие» исторические взгляды следует учитывать, но не перебарщивать с критикой [6, 23.07.2015].

Со своей стороны у японцев были свои претензии к Вашингтону. «Наркотическая» зависимость японской дипломатии от американской внешнеполитической стратегии породила в политической элите «американскую болезнь». Её основные симптомы заключаются в страхе потерять «расположение союзника», в боязни, что могущественный патрон может однажды предать своего «младшего друга» в пользу нового партнёра, и Япония окажется неготовой приспособиться к неожиданной для неё ситуации и самостоятельно противостоять новым вызовам её безопасности.

В Токио с озабоченностью, а порой и с тревогой наблюдали за развернувшимися с конца 2010 г. в Вашингтоне дебатами вокруг «китайской проблемы». Определившийся в итоге двуединый курс администрации Обамы на сдерживание и одновременно на вовлечение Китая в качестве «ответственного члена» в сотрудничество с США в целом устраивает Японию. Тем более что Белый дом подкрепил свой курс стратегией «перебалансировки», согласно которой

укрепляются союзнические отношения Соединённых Штатов с рядом стран региона, включая Японию, а также увеличивается американское военноморское присутствие в АТР.

Вместе с тем, Япония более чем Вашингтон озабочена наращиванием китайского военного потенциала. Японское правительство, особенно под руководством С. Абэ, настойчиво добивается подтверждения от американской стороны выполнения своих обязательств по «договору безопасности» и выступления на защиту японской территории в случае попыток Китая силовым путём решить проблему территориальной принадлежности островов Сэнкаку.

Президент Обама и высокопоставленные сотрудники на переговорах с японскими партнёрами такие заверения регулярно давали. Однако японская политическая элита обращает внимание на то, что США, признавая административный контроль Японии над островами Сэнкаку, не считают решённым вопрос о том, кому – Японии или Китаю – принадлежит суверенитет над ними, и предлагают Токио и Пекину урегулировать эту проблему на двусторонней основе мирным путём. Таким образом, занимая двойственную позицию, Белый дом фактически не разделяет точку зрения Японии об отсутствии проблемы островов Сэнкаку в её отношениях с Китаем и об отказе по этой причине от каких-либо переговоров с Пекином на этот счёт.

По американским источникам, на которые ссылается газета «Асахи», премьер-министр, встречаясь в неофициальном порядке с американскими политиками, посещавшими Японию в конце 2014 – начале 2015 г., высказывался в том плане, что не может более полагаться на Вашингтон в китайском вопросе. Аналогичное мнение распространено среди японских видных политиков и высокопоставленных дипломатов [8, 20.04.2015]. С учётом этого Токио прибег к излюбленной тактике «изматывания», когда при каждой японо-американской встрече, на любом уровне японские представители непременно добивались от американских партнёров заверений о поддержке своего союзника Японии в китайском вопросе. В конце концов японцы смирились с тем, что больше того, что они получили от американцев по территориальному спору, ожидать не следует, и стали делать акцент на наличии у США решимости защитить «всю территорию» Японии, включая острова Сэнкаку. В целом к весне 2015 г. база для успешного визита главы японского правительства в США была создана.

В то же время японская сторона опасалась, что американская политическая элита либерального направления окажет, если не прохладный, то, возможно, довольно сдержанный приём премьер-министру. Накануне визита ведущие американские газеты, включая «Нью-Йорк таймс» опубликовали статьи, в том числе редакционные, с критикой взглядов главы японского правительства на японскую историю, его решимость «обелить прошлое». Материал на первой полосе газеты «Уолл стрит джорнел» от 27 апреля был озаглавлен «Как история преследует представления Синдзо Абэ о Японии». Автор статьи отмечал, что премьер-министру необходимо пересмотреть свои взгляды на прошлое. При этом он указывал, что «двойственный подход» японского политика к оценке японской агрессии во время Второй мировой войны усилил напряжённость в Азии и вызвал недоверие США.

С учётом таких настроений в американском общественном мнении С. Абэ уделил особое внимание своему выступлению в Конгрессе. Ему удалось добиться приглашения выступить перед членами обеих палат, что было расценено как «большая победа», поскольку впервые после выступления в Конгрессе-

се в июне 1957 г. Н. Киси такая привилегия предоставлялась японскому премьеру (Дз. Коидзуми в этом было отказано, так как группа членов Конгресса выступила против, мотивировав свой отказ тем, что он регулярно посещал храм Ясукуни).

Спичрайтеры японского премьерa постарались составить текст его выступления и по форме, и по содержанию в духе максимального учёта состава аудитории. Свою речь премьер начал с заверений в своей любви к Америке во всех её ипостасях. Он выразил от лица Японии и японского народа глубокие соболезнования родным и близким всех американцев, погибших во Второй мировой войне, высказал глубокое сожаление относительно того, что «японские действия принесли страдания народам азиатских стран».

С. Абэ выдвинул тезис о том, что прежние противники – Япония и США вместе с западным миром и другими демократиями победили в «холодной войне» и теперь могут вместе распространять по всему миру и укреплять общие ценности демократии и свободы. Далее он изложил основные пункты политики Японии под новым лозунгом: «действенный вклад» в обеспечение мира и стабильности путём взятия большей ответственности [6, 23.05.2015].

В этих целях Япония принимает новые законы по обеспечению права на коллективную самооборону. Из дальнейших разъяснений следовало, что это делается для того, чтобы ещё больше укрепить сотрудничество между военными двух стран, в результате чего двусторонний союз станет более прочным и «обеспечивающим доверие в деле сдерживания в интересах мира в регионе». Несмотря на то что Китай не был ни разу упомянут в речи, было понятно, что этот пассаж адресован Пекину.

Речь японского премьерa законодателям понравилась, она неоднократно сопровождалась овациями, хотя они не услышали слов «извинения» и «агрессия». Не случайно президент РК Пак Кын Хе заявила, что своими высказываниями японский премьер упустил шанс улучшить отношения Токио с Сеулом [6, 23.05.2015]. Во время визита С. Абэ в Вашингтоне и других городах состоялись демонстрации с требованиями изменить позицию японского правительства по проблеме «женщин комфорта». С. Абэ ограничился сентенцией на тему того, что «в военных конфликтах более всего страдают женщины» и нельзя нарушать их права.

Политическая элита США поняла главное – в лице С. Абэ США имеют преданного и верного союзника, на которого можно всецело положиться в реализации своих позиций в АТР, а после принятия новых законов и в других регионах мира. Положительно было воспринято щедрое обещание японского лидера выделить США 2,8 млрд. долл. на модернизацию американских баз на Гуаме.

На совместной пресс-конференции после переговоров Б. Обама постарался сделать приятное своему японскому союзнику. Отметив, что США приветствуют мирный подъём Китая, он в то же время подчеркнул, что китайцы идут ошибочным курсом, если думают решить проблемы в морских акваториях, «пугая своими мускулами» [4].

Б. Обама более чем радушно приветствовал С. Абэ. Американский президент охарактеризовал визит как «исторический» и подчеркнул, что американо-японские отношения никогда не были столь прочными [4, 13.07.2015].

Официальный визит японского премьер-министра в США, с одной стороны, подвёл итог приспособления американской политической элиты к политической философии С. Абэ, а с другой – определил вектор дальнейшего разви-

тия американо-японского военно-политического союза в новых экономических условиях.

Каждая страна получила не 100% того, к чему стремилась, но внесла достаточно для того, чтобы заявить об успехе.

«Китайская угроза» и «российский шанс»

Как уже отмечалось, японское правительство более всего озабочено «китайской угрозой» и неуверенностью в том, что США окажут вооружённую поддержку Японии в случае открытого конфликта Токио и Пекина из-за спорных островов. Эта озабоченность, хотя её градус несколько понизился после апрельского саммита в Вашингтоне, тем не менее продолжает присутствовать. В Японии не проходят незамеченными и аналитические материалы, подобные тем, что были подготовлены Джеффри Берелом, директором по азиатским делам в Совете национальной безопасности в первой администрации Обамы. В своём докладе он заявил, что «рассматривать Китай как врага и потенциального противника не пойдёт на пользу безопасности США и их союзников» [1].

Впрочем, Вашингтон регулярно подчёркивает необходимость урегулирования китайского спора с Японией и рядом стран АСЕАН в Южно-Китайском море и Восточно-Китайском море мирным путём, в соответствии с международным правом, без принудительных или односторонних мер [4, 29.04.2015]. Авторитетный японский журнал «Сэнтаку» в майском номере 2015 г. сразу прокомментировал, что встреча С. Абэ и Б. Обамы в Вашингтоне «будет оценена как успешная с точки зрения указания направленности японо-американского союза против Китая. Чем более Пекин готов ужесточать свою однопартийную диктатуру и предпринимать действия, которые рассматриваются как игнорирование международного права, тем большее значение имеет японо-американский союз».

Вместе с тем, в Токио обратили внимание на то, что по итогам состоявшегося в Вашингтоне в июне 2015 г. американо-китайского стратегического и экономического диалога было подписано около 200 документов о сотрудничестве, в том числе в сфере безопасности, защиты экологии, в области инвестиций и финансов.

В контексте «китайской угрозы» Токио весьма беспокоит наращивание стратегического партнёрства между Москвой и Пекином, которое, по многим японским аналитическим прогнозам, может принять и антияпонскую направленность. Близкие к панике настроения в японских правительственных кругах вызвали идентичные российские и китайские оценки японского милитаризма эпохи Второй мировой войны и совместное празднование в Москве и Пекине годовщины окончания войны в Европе и в Азии. Пресса и политологи право-консервативного направления объявили эти мероприятия намерением «оказать давление на Японию, поскольку на самом деле обе страны победили совсем случайно, а китайское руководство, объявляя Китай страной-победительницей, использует это для укрепления своей власти [3, 15.03.2015]. Подобное одновременное искажение и истории, и современности не осталось незамеченным. Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул, что война с Японией является «героической главой в современной истории страны. Она пробудила осознание единства китайской нации до высоты, никогда ранее не виданной» [4, 07.2015].

Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, указав на то, что Япония выдвигает к России территориальные претензии, заявил: «Можно сказать, что Япония – единственная страна, которая ставит под вопрос итоги Второй мировой войны, никто другой этого не делает». В комментариях официальных представителей МИД РФ неизменно подчёркивается, как важно для Японии в полном объёме признать итоги Второй мировой войны, не допуская попыток обелить преступления японского милитаризма [5, 19.05.2015].

На переговорах с Б. Обамой 28 апреля 2015 г. в Белом доме С. Абэ, не исключив возможности объединения Китая и России для усиления их антияпонской активности, решительно высказался против возникновения ситуации, когда эти две супердержавы будут создавать излишнюю конфронтационную позицию. Он добавил: «Я буду продолжать диалог с президентом Путиным», дав понять, что одна из целей такого диалога – не допустить российско-китайского союза антияпонской направленности [2, 19.05.2015].

По информации, полученной японскими СМИ из источников в МИД Японии, заявление С. Абэ прозвучало для американцев неожиданно, так как предварительно в повестку переговоров не включалось. Б. Обама, согласно тем же источникам, не дал своего прямого согласия или одобрения на диалог С. Абэ с российским президентом, а подчеркнул необходимость для Японии действовать на российском направлении, не нарушая единую позицию Запада [6, 23.05.2015]. С. Абэ прислушался к мнению «старшего союзника» и на празднование Дня Победы в Москву не поехал.

Однако поездка госсекретаря Дж. Керри в середине мая 2015 г. в Сочи на встречу с В.В. Путиным подкрепила настрой японского лидера пригласить российского президента с визитом в Японию в конце 2015 г., который не состоялся, как было запланировано, в конце 2014 г., по причине «украинских и крымских событий». 21 мая С. Абэ встретился с председателем Государственной Думы С.Е. Нарышкиным, которого японская сторона не включила в санкционный список, в отличие от США и ряда других стран Запада, и который прибыл в Токио для участия в открытии традиционного фестиваля культуры России в Японии. Это насторожило Белый дом. Последовала незамедлительно негативная реакция. Д. Рассел, заместитель госсекретаря, на пресс-конференции в Вашингтоне, специально обращаясь к японскому руководству, во-первых, отрицал, что визит Дж. Керри в Сочи и его встреча с В.В. Путиным свидетельствует о каком-либо изменении политики США в отношении России в связи с украинским кризисом и что в Вашингтоне «уверены в том, что правительство С. Абэ «привержено принципу не вести дела с Россией как обычно в нынешних обстоятельствах» [2, 11.07.2015]. Столь грубый и откровенный нажим на японское правительство и лично премьера, как можно предположить, имел противоположный эффект. Он решил заручиться поддержкой европейских стран.

На саммите «семёрки» в ФРГ 7–8 июня 2015 г. при обсуждении китайской и российской тем он сказал: «Мы не должны позволить Китаю и России объединиться. Потому диалог с Россией необходим». И он этот диалог намерен осуществить. Как сообщили «информированные японские источники», А. Меркель и Ф. Олланд более других поддержали этот настрой японского премьера, а Б. Обама в этой ситуации счёл за лучшее промолчать.

После этого С. Абэ начал действовать. 24 июня состоялся его телефонный разговор с В.В. Путиным, в ходе которого с японской стороны речь шла о возможности встречи двух лидеров в Токио в конце 2015 г. Затем последовали

визиты в Москву руководителя Совета национальной безопасности Японии Сёдзиро Яти, доверенного лица премьер-министра, министра иностранных дел Фумио Кисида 20–22 сентября, который не только провёл переговоры с С.В. Лавровым, но и участвовал в 11-м заседании двусторонней межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам.

На юбилейной, 70-й сессии ГА ООН в Нью-Йорке состоялась встреча С. Абэ с В.В. Путиным, на которой два лидера договорились продолжать переговоры по мирному договору и вести дело к визиту российского президента в Японию в приемлемые для обеих сторон сроки.

Очевидно, что С. Абэ заботит не провальная задача уговорить российскую сторону изменить свою принципиальную позицию по украинской проблеме и Крыму и не только стремление несколько разъединить Москву и Пекин, но и его давнее намерение попытаться как-то (судя по всему, у него чёткого плана нет), выйти на решение территориальной проблемы. Не случайно на встрече с Б. Обамой и другими лидерами «семерки» он обращал внимание на «большую проблему» Японии – отсутствие мирного договора с Россией.

* * *

Под руководством премьер-министра С. Абэ японская внешняя политика получила новое стратегическое содержание, которое, по мнению господствующей в настоящее время политической элиты страны, приверженной правоконсервативной идеологии, включает в себя следующие главные параметры:

1. Полностью исключить проявление излишней самостоятельности вне рамок японо-американского союза. Японские политики не стремятся повторить судьбу премьер-министра Юкио Хатояма (2009–2010 гг.), который, попытавшись несколько дистанцировать Японию от США, впал в немилость Вашингтона и фактически под его давлением вынужден был оставить свой пост;

2. Демонстрация решимости укреплять японо-американское военно-политическое партнёрство и добиваться повышения в нём роли Японии и её влияния с помощью увеличения военного вклада рассматривается в качестве оптимального курса;

3. Формально не отказываясь от статьи 9 Конституции, С. Абэ фактически добивается пересмотра её основных положений. Создав значительные вооружённые силы и закрепив право на индивидуальную самооборону, Япония получила возможность осуществлять коллективную самооборону, что открывает путь к использованию японских вооружённых сил в конфликтах, в том числе международных, не представляющих непосредственную угрозу безопасности страны. Впервые после Второй мировой войны вооружённые силы Японии получают право участвовать в военных действиях за пределами страны.

Таким образом японское руководство приближает страну к достижению провозглашенной цели – превратить Японию в «нормальное государство», не отягощённое «печальным прошлым» и занимающее одно из ведущих мест в мировой политике. Законодательно оформив право на коллективную самооборону, японское правительство повысило свою значимость в качестве военного союзника США, которые отныне вынуждены в большей степени считаться с позицией своего пока всё ещё младшего партнёра и чаще согласовывать с ним свои военно-стратегические и тактические планы и действия.

В канун саммита С. Абэ – Б. Обама прошли переговоры между министрами обороны и иностранных дел двух стран. Принципиально важной стала до-

говорённость о подготовке новых «Руководящих принципов двустороннего сотрудничества в области обороны» с учётом новых возможностей японских вооружённых сил осуществлять коллективную самооборону.

Госсекретарь Дж. Керри на пресс-конференции 27 апреля 2015 г. после завершения заседания министров иностранных дел и обороны двух стран заявил: «Мы договорились утвердить право Японии защищать не только свою территорию, но и Соединённые Штаты и других партнёров, если потребуется». При этом он подчеркнул исторический характер трансформации между двумя странами отношений обеспечения безопасности, за что США «очень благодарны Токио» [4, 28.04.2015].

В результате, как прогнозируется в редакционной статье газеты «Емиури симбун», произойдет усиление оборонного сотрудничества двух стран, которое повысит эффективность сдерживания в отношении Китая и Северной Кореи» [2, 28.04.2015].

Можно сделать заключение, что японо-американский военно-политический союз претерпел определённую модернизацию, адаптируясь к новой глобальной и региональной обстановке. По своему содержанию он всё более приближается к натовским стандартам. Кроме того, его направленность в АТР смещает акцент с «российской угрозы» на «китайскую» и «северокорейскую».

Сомневаясь относительно американских гарантий поддержки Японии в отношениях с Китаем, Токио проводит собственную политику на китайском направлении. С одной стороны, демонстрирует военные возможности (в том числе совместно с США), в случае обострения отношений с Пекином, а также продолжает курс на сдерживание КНР в регионе, а с другой – протягивает оливковую ветвь; много говорит о мире и добрососедстве, экономическом сотрудничестве и широких контактах.

Очевидно, что бросить «открытый вызов» Пекину Токио не решается и не имеет для этого достаточно сил и возможностей. Поэтому избрана стратегия «малых шагов» по сдерживанию антияпонской политики Китая. Эффективность вышеизложенной стратегии сомнительна. Этот вывод подтверждает тот факт, что С. Абэ не поехал в Пекин на празднование 70-й годовщины окончания Второй мировой войны на Дальнем Востоке, с одной стороны, опасаясь антияпонской направленности праздничных мероприятий, а с другой – не собираясь давать повода расценивать его присутствие на военном параде как «одобрение» военной политики Китая, особенно в Южно-Китайском море.

С намерением если не воспрепятствовать укреплению российско-китайского стратегического партнёрства, то хотя бы ослабить его возможную антияпонскую направленность, выйти из определенной дипломатической изоляции в Северо-Восточной Азии, где у Японии напряжённые отношения с ведущими государствами – РФ, КНР, РК – с весны 2015 г. С.Абэ начал проводить курс на возобновление японо-российского диалога на высшем уровне.

Однако возникает вполне закономерный вопрос. Как японская сторона намеревается вести переговоры с Россией о мирном договоре, который призван зафиксировать, помимо договорённости по территориальному размежеванию, приверженность сторон развивать дружеские, добрососедские отношения? И это в то время, когда одна из сторон – Япония – участвует в санкциях против своего партнёра по переговорам и регулярно выражает протесты против любой активности, не только военной, но и социально-экономической, на островах Курильской гряды, будь то строительство больницы или аэропорта, а также посе-

щение островов членами российского правительства и администрации президента. Если Токио не изменит свою политику на российском направлении, японскому премьер-министру вряд ли удастся использовать «российский шанс».

В целом Япония, можно сказать, вступила в новый этап реализации своей внешнеполитической и оборонной политики. Много будет зависеть от того, насколько последовательно и активно японское руководство будет осуществлять вышеизложенные задачи, и даже в большей степени от реакции на конкретные действия Токио региональных государств и прежде всего Китая и России.

Список литературы

1. Асахи симбун.
2. Емиури симбун.
3. Женьминжибао.
4. Майнити симбун.
5. Российская газета.
6. The Japan Times.
7. The International New York Times.
8. The New York Times..
9. The United States and Japan. New York, 1966, p. 42-43.
10. *Youshida Shigeru*. The Youshida Memories. The Story of Japan in Crisis. London, 1961.

USA – Japan: Modernization of Military-Political Alliance

(USA ❖ *Canada Journal*, 2016, no. 2, p. 22-42)

Received 21.10.2015.

PANOV Aleksandr Nikolayevich, Institute of USA and Canada Studies, Russian Academy of Sciences. 2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation

The article is devoted to analysis of the process of an adaptation of the American-Japanese military-political alliance to contemporary events, connected to the reorganization of the global and regional (in the Asia-Pacific region) system of the international relations.

Special attention is paid to the examination of the politico-philosophical views of the prime-minister of Japan Abe Sinzo and to the study of the reaction of the United States to the innovations of Japan in its foreign policy and in realization of the course to guarantee the right of Japan for collective self-defense.

Under consideration are the perspectives of the Japanese-Chinese and Japanese-Russian relations in the context of the new tendencies of the development in American-Japanese relations.

Keywords: *American-Japanese military-political alliance, constitution of Japan, Japanese military doctrine, collective self-defense, 'historical revisionism', 'China threat', Russia and Japan.*

About the author:

PANOV Aleksandr Nikolayevich, Doctor Sci. (History), leading analyst.